

«ЗВЕЗДА АФРОДИТЫ» МИХАИЛА КУЗМИНА:
ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

1. Проблемы

Чувственность и эротика разлиты по всей поэзии М.А. Кузмина (1872-1936), но, пожалуй, одно из самых интересных и нетривиальных воплощений получают они в «Звезде Афродиты» – стихотворении 1921 г. из цикла «Морские идиллии», сб. «Параболы»:

- [1] О, Птоломея Филадельфа фарос,
Фантазии факелоносный знак,
Что тучный знак
Из златолаковых смарагдов моря
Возносится аврорной пыли парус
И мечет луч, с мечами неба споря.
- [2] И в радугу иных великолепий,
Сосцами ряби огражденный круг,
Волшебный плуг
Вплетал и наше тайное скитанье.
Пурпурукудрый, смуглый виночерпий
Сулил магическое созиданье.
- [3] Задумчиво плыли
По сонному лону
К пологому склону
Зеленых небес.
Назло Аквилону
О буре забыли
У розовой пыли
Зардевших чудес.
- [4] Растоплено время,
На западе светел –
Далек еще петел –
Пророческий час...
Никто не ответил,
Но вещее семя,
Летучее бремя
Спустилось на нас.
- [5] К волне наклонился...
Упали ветрила,
Качались светила
В стоячей воде.
В примории Нила
Священно омылся,
Нездешне томился
К вечерней звезде.
- [6] И лицо твоё я помню,
И легко теперь узнаю

Пепел стынущий пробора
 И фиалки вешних глаз.
 В медном блеске парохода,
 В винтовом движеньи лестниц,
 В реве утренней сирены
 Слышу ту же тишину.
 Ангел служит при буфете,
 Но в оранжевой полоске
 Виден быстрый нежный тóрок
 У послушливых ушей.
 Наклонился мальчик за борт, –
 И зеленое сиянье
 На лицо ему плеснуло,
 Словно вспомнил старый Нил.

- [7] Эта смелая усмешка,
 Эти розовые губы,
 Окрыленная походка,
 И знакомые глаза!
- [8] Где же море? где же фарос?
 Океанский пароходик?
 Ты сидишь со мною рядом
 И не едем никуда,
- [9] Но похоже, так похоже!
 И поет воспоминанье,
 Что по-прежнему колдует
 Афродитина звезда.

Текст с такой интригующей и сочной образностью как-то плохо вяжется со структурным разбором. И все же нельзя не отметить, что он герметичен, написан неровно, местами затрудненным и даже аграмматичным языком¹. Требуют прояснения его «ты» (то ли одно, то ли два, то ли три), образность и сюжет (кто такие *виночерпий* в [2], *ангел* и *мальчик* в [5]? движут ли они сюжет или украшают?). Этот запутанный клубок я начну распутывать со структуры и того, как она мотивирована метрикой и стилистикой.

Метрический «нерв» «Звезды...» – перебои, имеющие под собой смысловые основания.

[1-2] – два шестистишия: по две строки пятистопных ямбов, одна – двухстопных, три – пятистопных, с рифмовкой АббВАВ (б – мужские окончания, остальные – женские).

[3-4-5] – три восьмистишия двухстопных амфибрахий с рифмовкой АББвБААв (в – мужские окончания, все остальные – женские). Метрический подтекст – «Моя богиня» В.А. Жуковского (1809, перевод «Meine Göttin» Гете), написанная нерифмованными двустопными

¹ Ср. странное управление – *Нездешне томился / К вечерней звезде*; временную рассогласованность – *И поет воспоминанье, / Что по-прежнему колдует / Афродитина звезда* [содержание воспоминания предполагает аористивное, т.е. закончившееся прошлое, тогда как Кузмин дает прошлое, перетекающее в настоящее] и т.д.

амфибрахиями с дактилическими окончаниями; богиня Жуковского-Гете – *фантазия*, названная уже во второй строке «Звезды...».

[6-9] – нерифмованные² четырехстопные хорей с мужскими и женскими окончаниями, возможно, восходящие к стихотворению А.А. Фета «Это утро, радость эта...» (с комбинацией четырех- и трехстопных хореев), причем не только метром, но и лексико-грамматической конструкцией – номинативным перечнем с повторяющимся местоимением *этот* в [7].

Монотонным ритмическим рисунком каждой из частей, имитирующим плеск весел / работу механизмов парохода, и почти канцонным строением первых двух шестистиший это стихотворение напоминает баркаролу. Кстати, одна из самых знаменитых баркарол, венецианская, из оперы «Сказки Гофмана» Жака Оффенбаха, открывается словами *Belle nuit, ô nuit d'amour*; есть прекрасная ночь любви и в «Звезде...».

С метрическим движением отчасти совпадает стилистическое – архаика романтической поэзии, в духе Жуковского, Батюшкова и антологического Фета:

Аврора, тучный знак, пурпурокудрый виночерпий, поэтизм Аквилон; зарифмованные светила и ветрила; вечерняя звезда;

в [6-9] она уступает место современной бытовой лексике:

ср. *буфет, рев утренней сирены, океанский пароходик* и др.

Делит это стихотворение – то ли на две, то ли на три части – и обратная система, особенно ее доминанта: звезда Афродиты.

2. Звезда Афродиты на литературном небосклоне

Любовь заявлена как тема уже заглавием этого стихотворения – готовым сочетанием *звезда* + имя древнегреческой богини любви. Но и дальше, чтобы читатель не сбился с пути, расставлены ее путеводные маяки: готовая формула *вечерняя звезда* [5]; словосочетание *звезда* + архаизированное притяжательное прилагательное от имени собственного, переносящее внимание на «хозяйку» [9]. Этой звездной троицей поддержано метрическое деление текста на три части, намечена композиционная спираль и система отражений, обозначены сюжетные повороты:

звезда в заглавии – предвестие любви;

звезда в середине – переход от любовного плаванья к воспоминанию об александрийском возлюбленном;

звезда в финале – приравнивание прошлого александрийского и теперешнего (петербургского) возлюбленных.

Таким образом, на три звезды приходятся два возлюбленных.

Еще тремя звездными номинациями, генитивной первой и последующими атрибутивными, задается размеренный рисунок морфологических и ритмических серий³.

² Не считая *никуда* – звезда.

³ [генитивная] звезда Афродиты; Птоломея Филадельфа фарос;

И сами названия звезд любви, и их любовные, вечерне-утренние, морские контексты аккумулировали обширные энциклопедические знания, которыми щеголяла тогдашняя «ученая» поэзия – начиная с В. Брюсова или Вяч. Иванова:

Венера (планета), она же – звезда вечерняя и утренняя⁴, Веспер и Люцифер, в Древнем мире называлась по именам богинь любви – звездой Иштарь, Исиды, Афродиты, а в Средневековье была переименована в Stella Maris. Из дней недели Венере была посвящена пятница – отсюда лат. *Veneris dies*, франц. *vendredi*, ит. *venerdì*.⁵

Вобрали они в себя и каноны традиционного поэтического словоупотребления, которых здесь сразу два.

Почувствовать, сколь сильный эротический заряд несет в себе *звезда Афродиты*, позволяет когда-то мощный, но к 1920-м гг. почти ушедший топос с *Венерой* (она же – *звезда Афродиты / Киприды / любви*, она же – *Утренняя / Вечерняя звезда*), служащей украшением любовных сцен (вечерних, реже утренних) и / или по ходу сюжета провоцирующей лирического героя (мужчину) на эротические переживания, обычно по поводу присутствующей или отсутствующей любимой⁶.

[смешанная] фантазии факелоносный знак; золотолаковых смарагдов моря; аворной пыли парус; мечами неба; радуго иных великолепий; сосцами ряби;

[атрибутивная] волшебный плуг; наше тайное скитанье; пурпуркоудрый, смуглый виночерпий; магическое созиданье; сонному лону; пологому склону; зеленых небес; розовой пыли; зардевших чудес; вещее семя; летучее время; стоячей воде; вечерней звезде;

[смешанная] пепел стынущий пробора; фиалки вешних глаз; медном блеске пархода; винтовом движеньи лестниц; реве утренней сирены;

[атрибутивная] оранжевой полоске; быстрый нежный торок; послушливых ушей; зеленое сиянье; старый Нил; эта смелая усмешка; эти розовые губы; окрыленная походка; знакомые глаза; океанский парходик; Афродитина звезда.

⁴ Актуализировано в «Повести об Елевсиппе, рассказанной им самим» Кузмина: «звезда, отмечающая конец и начало дня, зовущая любовников к лобзаньям и расторгающая страстные объятия», и в «Что ж делать...»: *и космато-огромная звезда, / предвещница ночи – / быстро бледнеет, / тает / совсем на глазах?*

⁵ Такой календарь Кузмин обыгрывает в цикле «Пальцы дней» (1925), созданном по стопам «Дней недели» Вяч. Иванова (1888) (ивановское стихотворение сопровождалось эпиграфом из «Римской истории» Диона Кассия: «Обычай приурочивать дни к семи светилам, именуемым планетами (Солнцу, Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере и Сатурну), возник у египтян, но существует у всех людей»). Ср. «Пятницу / Венеру»: *Кто скрижали понимает, / Кто благую весть узнает, / Тот не удивляется. / (...) У креста стоит **Венера**, / Очи томно кружатся. / По морю дымятся флоты, / Пташек мартовских полеты / Раздробила лужица. // Нисхождение – состраданье, / Восхождение – обладанье / Огибают струями. / О, святейший день недели, / Чтob не пили и не ели – / Жили поцелуями.*

⁶ Ср. оригинальные и переводные стихи: «К Делии», «Редееет облаков летучая гряда...», «С португальского», «Отрывки из путешествия Онегина» А.С. Пушкина; «Весеннее утро» П.А. Вяземского; «Утренняя звезда» В.А. Жуковского; «Звезда» Е.А. Баратынского; «Элегия» И.И. Козлова; «Сафо» (II) А.Н. Майкова; «Долго еще прогорит Веспера скромная лампа...», «Подражание XVI идиллии Биона» А.А. Фета; «Вечер в саду» В.Г. Бенедиктова; романс П.П. Булахова на слова В.П. Чувского «Гори, гори, моя звезда...»; «Утренняя звезда» В. Брюсова; «В бездействии младом, в передрасветной лени...» А. Блока и др.

Звезда Афродиты (под разными названиями) в водном пейзаже, напротив, имела недолгую историю. По всей видимости, Кузмин перенял ее из «палубных» стихотворений Вл. Соловьева:

Посмотри: побледнел серп луны, / Побледнела звезда Афродиты, / Новый отблеск на гребне волны («На палубе «Торнес», 1893»⁷).

Скрестив два канона, Кузмин дал своей звезде Афродиты не только управлять морской навигацией, но и быть путеводительницей в любви, чем реализовал, и не в первый раз, метафору любви как опасного путешествия по морю⁸.

Но есть у Кузмина и существенные расхождения с традицией. Прежде всего, кузминская звезда любви включается в слишком большое количество сцен, тогда как обычно сцена одна: либо вечерняя, либо утренняя; либо любовного свидания, либо воспаленного любовью воображения; либо на воде, либо на суше. Нетривиальна и прагматическая установка лирического героя, alter ego автора, на присвоение звезды любви и ее колдовства. Подвластность и контакт сильнее прочерчены в других контекстах, где при предикате появляется валентность адресата или объекта:

И стерегущий глаз на нас наводит; Над разделенными ты ворожишь; Прямо нас звезда ведет; Что гадает нам звезда? и др.

Вместе с «моей звездой Афродиты» в наше стихотворение проникает мотив санкционированности любви высшими силами (не отсюда ли безличная грамматика: *зеленое сиянье / На лицо ему плеснуло?*). Описываемая любовь – гомосексуальная, что прямо как будто не прописано, однако же аллегорически обозначено *мальчиком* и, возможно, *отроком* (фонетически закодированным в слове *торок* [6]), не говоря уже об обслуживающем телесные потребности персонале – *виночерпши* [2] и *ангеле при буфете* [6].

И уж совсем нетрадиционно соотнесение со звездой Афродиты аллегории утра и вечера любви. Выписанное в начале стихотворения «утро любви» (на которое приходится плавание с александрийским возлюбленным), а в финале – «вечер любви» (неплавание с теперешним) прочерчивают траекторию жизни как совпадающую с траекторией любви, за которую – *по-прежнему* (наречие длительности!) – отвечает *Афродитина звезда* [9]. В подтексте – «Наука любить» Овидия,

⁷ См. продолжение – цикл «Звезда морей» А. Кондратьева (сб. «Черная Венера», 1909): *Волны бьют в борта сердито. / Все вокруг объемлет мрак. / Ярко блещет, Афродита, / В небе твой священный знак* (VI, «Ночь простерлась над землею...»).

⁸ Ср. «Не мальчик я, мне не опасны...», 1910: *Не мальчик я, мне не опасны / Любви безбрежные моря. / Все силы чувства – мне подвластны, / Яснеет цель, звездой горя. / Надежен парус, крепки снасти, / А кормщик – опытен и смел, / И не в моей ли ныне власти / Достичь всего, чего хотел? / Зачем же в пору грозовую / Я выпускаю руль из рук? / И сомневаюсь и тоскую, / В словах ища пустых порук? / Зачем обманчивая луна / Показывает бурей гладь? / Зачем так медленно и скупо / Вы принуждаете желать? / Зачем пловцы не позабыли / Приюта прежних берегов? / Зачем мечтаю я: «Не Вы ли?», / Случайно слыша шум шагов? / <...> / Былая мудрость, где ты, где ты? / Напрасно ли дана ты мне? / Ты, кормщик опытный, в уме ли? / Волненью предан и тоске, / Гадаешь омуты и мели / Проплыть, как мальчик, на доске!*

с мотивами любви в молодые годы и сексуализированным земледельческим, морским и военным инструментарием:

Utilis, o iuvenes, aut haec aut serior aetas:
 Iste feret segetes, iste serendus ager.
 Dum vires annique sinunt, tolerate labores:
 Iam veniet tacito curva senecta pede.
 Aut mare remigiis, aut vomere findite terras;
 Aut fera belligeras addite in arma manus;
 Aut latus et vires operamque afferte puellis.
 Hoc quoque militia est, hoc quoque quaerit opes.⁹

Итак, кузминская *звезда Афродиты* вбирает в себя традицию русского поэтического словоупотребления почти в полном объеме, что не затмевает ее собственного света – александрийского, гомоэротического, аллегорического. Свет ее столь яркий, что при всей непонятности текста понятно одно: при анализе этого стихотворения двигаться нужно в сторону детализации простой и бесспорной формулировки: «Звезда Афродиты» – стихи о плотской любви.

3. Любовное плавание, его литературные и биографические прототипы

В первой части, [1-2], используются на удивление яркие краски:

златолаковые смарагды моря, авфорная пыль, радуга, пурпуркоудрый смуглый виночерпий.

Приковывают к себе внимание и загадочные строки о *плуге* (?), *вплетавшем и* (?) *наше тайное скитанье*. Не означает ли союз *и*, что кто-то из знаменитых александрийцев когда-то совершил не менее красочное и впечатляющее плавание, а «наше» плавание подверстывается к нему?

История и литература знали только один такой прецедент. Александрийская царица Клеопатра проплыла по реке Кидн (в Малой Азии) так, что соблазнила Антония, а вслед за ним – писателей: Плутарха (жизнеописание Антония), Шекспира («Антоний и Клеопатра»), Ж.М. де Эредиа («Le Cydnus», из поэтического триптиха «Антоний и Клеопатра»), Георга Эберса (роман «Клеопатра»), Г.Р. Хаггарда (роман «Клеопатра») и еще многих других. В «Звезде...» Кузмин, вне всякого сомнения, опирается на знаменитую шекспировскую версию. В 3-ей сцене II акта, происходящей в Риме, Энобарб, не жалея красок, описывает плывущую по Кидну Клеопатру: она была как Венера, в окружении «купидонов» и «нереид», на барке с золотой

⁹ II, 667-674. Перевод В. Алексеева: «Но, молодые люди, как эти годы, так и более поздние, – самые подходящие для ухаживания за женщинами! Это – поле, которое нужно засеять, чтобы жать на нем хлеб. Пока позволяют молодые силы, работайте, – не заметишь, как молча подойдет сторбленная старость. Рассекайте веслами волны моря, взрывайте плугом землю, берите в свои жаждущие боя руки не дающее пощады оружие или жертвуйте ради женщин своим телом, силами, трудами! – Это своего рода военная служба, где также можно собрать добычу» (цит. по: Овидий 1914, 33).

кормой, пурпурными парусами, и с такими благовониями, что ветры таяли от любви:

The barge she sat in, like a burnish'd throne, / Burn'd on the water: the poop was beaten gold; / Purple the sails, and so perfumed that / The winds were love-sick with them: the oars were silver...

Собеседник Энобарба, Агриппа, добавляет, что под чарами Клеопатры еще раньше Юлий Цезарь отложил меч, вспахал ее, и она заплодоносила (вот второй после Овидия источник *плуга*):

She made great Cæsar lay his sword to bed: / He **plough'd** her and she cropp'd.

Шекспир припоминается и в выражении *старый Нил* [6]: Клеопатра, тоскуя по уехавшему в Рим Антонию, приписывает ему слова тоски – *Where's my serpent of old Nile?* (акт I, сцена 5-ая)¹⁰. Тем самым, «Звезду...» вполне законно рассматривать как палимпсест, где «наше» плавание выписано поверх клеопатриногo.

«Наше» плавание в «Звезде...» венчает серию аналогичных пароходных/лодочных стихотворений «александрийского» корпуса, писавшихся с 1904 по 1921 гг. Разрабатываемые в них мотивы плавания с возлюбленным (в модусе сна, воспоминания, воображения), любовного свидания (в будущем), а также звезды-путеводительницы в любви обнажают биографический прототип:

роман с «князем Жоржем», протекавший в Александрии весной и летом 1895 г.; совместное плавание на пароходе по маршруту Одесса-Александрия; катание на лодке по Нилу; отъезд возлюбленного из Александрии и его скорая смерть в Вене.¹¹

Вот, например, незамысловатое, не вошедшее в цикл «Александрийские песни» стихотворение: возлюбленный (*ты*) отплывает из города, а лирический герой предвкушает свидание с ним:

Что ж делать, что **ты** уезжаешь / И не могу я ехать за тобой следом? / Я буду писать тебе письма / И ждать от тебя ответов, / Буду каждый день ходить в **гавань** / И смотреть, как **корабли** приходят (...), / И какое будет счастье и веселье, / Когда я тебя на **палубе** завиджу / И ты мне махнешь чем-нибудь белым. / Как мы опять в мой дом поедем / (...) Как светел весны приход / После долгой зимы, / После разлуки – **свиданье**.

Вот предтеча «Александрийских песен», в которой жизненные обстоятельства лирического героя по имени *Евлогий*, потерявшего сероглазого возлюбленного, также соединены с (зеленым) *морем* и плаванием:

Не во сне ли это было, / Что жил я в великой **Александрии**, / Что меня называли Евлогий, / **Катался по зеленому морю**, / Когда небо **закатом** пламенело? / Смотрелся в серые очи / (...) / Не во сне ли **тебя** я встретил, / Твои глаза мое сердце пронзили / И пленником повлекли за собою? / Не во сне ль я день и

¹⁰ Ср. кузминский некролог на смерть итальянской актрисы Элеоноры Дузе: «незабываемая поза и улыбка при словах: «Антоний думает, что-то делает моя нильская змейка!» («Красная газета», 1924 г.).

¹¹ Подробнее – в биографиях Кузмина: Богомолов, Малмстад 1996; Malmstad, Bogomolov 1999.

ночь тоскую, / Пламенею горестным восторгом, / Смотри на вечерние зори, / Горько плачу о **зеленом море** / И возвращаюсь домой одинокий?

Вот ранний сонет (1904-1905 гг.), где плавание с *бледноруким другим* / «ты» (умершим «князем Жоржем»?), на *фелуке* (лодке, используемой в т.ч. в Египте), под *звуки трубы и коней ржанье* (как в «Александрийских песнях»?), дано в модусе сна:

Сегодня утром встал я странно весел, / И легкий **сон** меня развел со скукой. / Мне снилось, будто с быстрою **фелукой** / Я подвигаюсь взмахом легких **весел**. // «...» **Друг** мой бледнорукий / Был здесь со мной, и был я странно весел. // Я видел остров в голубом тумане, / Я слышал звук трубы и коней ржанье, / И близко голос **твой** и всплески **весел**. // И вот проснулся, всё еще в обмане, / И так легко мне от того **свиданья**, / Как будто крылья кто к ногам привесил.

Вот стихотворение «Что за дождь!..» из цикла «Александрийские песни» (1904-1908), в котором путешествие «я» и «ты» украшено египетскими бытовыми деталями:

Что за дождь! / **Наш парус** совсем смок, / и не видно уж, что он – полосатый. / Румяна потекли по **твоим** щекам, / и **ты** – как тирский красильщик.

Вот, наконец, наиболее откровенное, поскольку автобиографическое, стихотворение на случай «Уж прожил года двадцать три я...» (1912, сб. «Глиняные голубки»), с посвящением Ю. Ракитину, отправляющемуся в Египет:

Уж прожил года двадцать три я, Когда увидел, пьян и горд, Твой плоский и зеленый порт , Блаженная Александрия! С жасмином траурный левкой Смешался в памяти бродячей, Но воздух нежный и горячий Всё возмущает мой покой. Когда нога твоя коснется Златого, древнего песка, Пускай к тебе издалека Мой зов, как ветер, донесется.	И пусть мохнатая звезда В зеленых небесах Каноба, Когда задумается оба, Засветит вам, как мне тогда. Но пусть ваш путь не так печально Окончится, как мой давно, Хотя нам всё присуждено С рождения первоначально. Я верю, деньги все прожив, Вернешься счастливо в Одессу, И снова милого повесу Увижу я, коль буду жив.
---	---

Выполненное в жанре наставления другу-путешественнику на примере собственного опыта, оно построено на контрастном параллелизме двух любовных историй: своей, печальной, уже сбывшейся, и чужой, еще не сбывшейся и долженствующей быть счастливой. Обе, кстати, предопределены *мохнатой звездой Каноба*¹².

Сюжетная линия «я» и отчасти сюжетная линия адресата «кивают» на автора. Кузмину было *двадцать три года*, когда он на корабле [из *Одессы*] прибыл в Александрию (*плоский и зеленый порт*), пережил блаженство любви и смерть неназванного в тексте возлюбленного (*Блаженная Александрия! / С жасмином траурный левкой / Смешался в памяти бродячей*). Теперь же мысленно, вместе с адресатом стихотворения, автор посещает пустыню (*Когда нога твоя коснется / Зла-*

¹² Будучи парафразом из «Александрийских песен» (*мохнатые мигающие звезды + Каноп*), эта сложная номинация отсылает к любовным утехам (какие бывают в Канопе).

того, древнего песка) и *Каноб*. Как и в «Александрийских песнях», роман с князем Жоржем заретуширован.

«Звезда...» развивает и усложняет прежние плаванья. Морская идиллия в модусе фантазии-воспоминания, представленная в [1-5], в [6-9] перетекает в плавание – неплавание с теперешним возлюбленным. В [7] дан двойной портрет александрийского – теперешнего возлюбленных, а в [8] появляются лирический герой рядом с его теперешней любовью.

Если прототип александрийского возлюбленного – «князь Жорж», то прототип теперешнего – Юрий Юркун. Юркун был постоянным спутником Кузмина начиная с 1913 г. Поворотным в их отношениях стал декабрь 1920 г., когда Кузмин и весь артистический Петербург узнали о романе Юркуна с Ольгой Гильдебрандт-Арбениной. Образовавшийся любовный треугольник, переживания Кузмина, желание отвоевать возлюбленного вылились в серию обращенных к Юркуну стихотворений, в том числе в цикл «Путешествие по Италии» (1921)¹³. Та же прагматическая установка обнаруживает себя в «Звезде...» – недаром в ней разрабатываются мотивы настоящей, т.е. мужской, любви и звездного колдовства.

Сходное биографическое понимание «Звезды...» высказывали еще ее первые комментаторы, Дж. Малмстад и Вл. Марков:

Если «пурпурокрылый, смуглый виночерпий» – это бог Дионис, то, может быть, одним из ключей к стихотворению стоит считать то место в 43 гл. «Золотой ветви» Фрейзера (по сокращенному, ньюйоркскому однотомному изданию 1951 г., стр. 450), где Дионису дается в атрибуты плуг, а потом говорится, что на его празднествах зажигался род маяка в предвещание хорошего урожая. Упоминается и семя, разбрасываемое пашущим Дионисом («но вещее семя, / летучее бремя»), – хотя это семя (см. также «Лесенку») может идти от Базилида. Впрочем, «волшебный плуг» может быть и просто метафорой носа корабля, рассекающего волны. Колдовство звезды Афродиты переплетает Юркуна с пароходным воспоминанием от юношеского посещения Александрии: «ангел ... при буфете» (ср. также «ангел-англичанин» в «Fides Apostolica», юнга в «Лесенке») (цит. по Кузмин 1977).

Однако наши взгляды на это стихотворение расходятся в вопросе об ассоциативном ряде.

4. Любовное плавание в египетских ассоциациях

В «Звезде...» обнаруживается множество египетских символов. Одним из них стихотворение открывается и замыкается – это *Птоломея Филадельфа фарос* [1]; *фарос* [8]. Общеизвестно, что Фаросский маяк был построен при Птолемее II Филадельфе (308-246 гг. до н.э.). Это александрийское чудо (кстати, одно из семи чудес света

¹³ Ср. также «Fides Apostolica», 1921: *В кисейной светлой комнате / Пел ангел-англичанин...*, – и особенно «Лесенку», 1922: *Ангелом юнга в небе висит. / <...> / Кораблекрушение, – / Все бы с ним перенес! / <...> / Юнга поет на стройной мачте: // – Много каморок у нас в кладовой, / Клады сияют, в каждой свой. / Рожь ты посеешь, – и выйдет рожь, / Рожь из овса – смешная ложь. / <...> / Кто любит, возвышается и верен, / В пустынях райских тот не одинок, / А путь задолго наш судьбой измерен. / Ты – спутник мой: ты – фус и светлоок.*

античности) вместе с александрийским правителем уже получило прописку в поэзии - в антологических эпиграммах Посидиппа, тоже из александрийцев:

Ἑλλήνων σωτήρα, Φάρου σκοπόν, ὃ ἄνα Πρωτεῦ,
 Σώστρατος ἔστησεν Δεξιφάνους Κνίδιος.
 Οὐ γὰρ ἐν Αἰγύπτῳ σκοπιωροὶ ὡς ἐπὶ νήσων,
 ἀλλὰ χαμαὶ χηλὴ ναύλοχος ἐκτέταται.
 Τοῦ χάριν εὐθειάν τε καὶ ὄρθιον αἰθέρα τέμνειν,
 πύργος ὄδ' ἀπλάτων φαίνεται ἀπὸ σταδίων
 ἥματι, παννύχιός τε φῶς ἐν κύματι ναύτες
 ὄψεται, ἐκ κορυφῆς πῦρ μέγα καιόμενον·
 καὶ κεν ἐπ' αὐτὸ δράμοι Ταύρου κέρας, οὐδ' ἂν ἀμάρτοι
 σωτήρος Πρωτεῦ ξείνιε, τῆδε πλέων.¹⁴

Τοῦτο καὶ ἐν ποταμῶν καὶ ἐπὶ χθονὶ τῆς Φιλαδέλφου
 Κύπριδος ἰλάσχεσθ' ἱερὸν Ἄρσινόης,
 ἣν ἀνακοιρανέουσιν ἐπὶ Ζεφυρηΐδος ἀκτῆς
 πρῶτος ὁ ναύαρχος θῆκατο Καλλικράτης.¹⁵

Вот почему Фаросский маяк так к месту в «Звезде...». Сосредоточены вокруг него и другие ассоциации – к примеру, паронимическая (и одновременно рифменная), *Φαρος* : *парус*, возможно, основанная на более точной древнегреческой: *φάρος* : эп. поэт. *φᾶρος*, *φάρος*, 'парус'. Этой паронимией привносятся и эротические смыслы. Другие «проводники» эротики – символические соответствия между *фаросом*, *злаком*, *парусом*, *мечом*, *факелом* и неназванным фаллосом. Присутствие последнего в тексте подкрепляется историческим анекдотом о фаллофориях при Птолемея Филадельфе:

Птолемея Филадельфа приказал изготовить и богато украсить огромный (в длину 120 локтей, в обхвате 6) фаллос из чистого золота; он был увенчан золотыми коронами и имел звезду на конце; его возили в золотой колеснице тысячи быков и толпа воздавала ему почести, как божеству.

Второй александрийский символ – сам Птолемея. Эротические ассоциации напрямую связаны с его прозвищем: *Φιλάδελφος*, – 'любящий сестру'. Им Птолемея был обязан женитьбой на сестре, Арсиное II, по разрешенным в Египте, но запрещенным в греческом мире

¹⁴ Цит. по Epigrammatum Antologia Palatina 1864-1890. Единственный ее перевод на русский язык – «На Фаросский маяк» Л. Блуменау:

*Башню на Фаросе, грекам спасенье, Сострат Дексифанов,
 Зодчий из Книда, воздвиг, о повелитель Протей!
 Нет никаких островных сторожей на утесах в Египте,
 Но от земли проведен мол для стоянки судов,
 И, высоко рассекая эфир, поднимается башня,
 Всюду за множество верст видная путнику днем,
 Ночью же издали видят плывущие морем все время
 Свет от большого огня в самом верху маяка,
 И хоть от Таврова рога готовы идти они, зная,
 Что покровитель им есть гостеприимный Протей.*

(Греческие эпиграммы 1935, 58).

¹⁵ Цит. по Epigrammatum Antologia Palatina 1864-1890.

законам. Птолемей и закодированная в его прозвище сестра порождают и искусствоведческие ассоциации. Коллекцию Эрмитажа (Санкт-Петербург) украшает знаменитая камея Гонзага с профилями Птолемея и Арсиной. Кстати, она была выполнена в Александрии в III в. до н.э. неизвестным мастером из сардоникса и агата, что могло подсказать Кузмину *златолаковые смарагды* (т.е. изумруды) *моря*.

Создавались поэтические эмали, камеи, геммы и в поэзии. Это был способ представить античность как она есть. Русские образцы камей XIX – нач. XX вв. наверняка были известны Кузмину в исполнении двух ценимых им авторов – А.Н. Майкова («Камеи», 1852-1853) и Л.Н. Мея («Камеи», 1861, цикл «Из античного мира»). К 1897 г. написал свою «Камею» – кстати, александрийскую – и К. Бальмонт, правда, принцип невмешательства в описание, а именно в портрет Клеопатры, соблюден не был¹⁶.

Морская идиллия и у Шекспира, и у Кузмина включает высших существ в роли слуг. У Клеопатры-Венеры, плывущей по Кидну, ими была свита, переодетая в купидонов и nereид. А у лирического героя Кузмина – *виночерпий* (в античном начале стихотворения) и *ангел* (в обытовленном конце). О природе *турпурукудрого, смуглого виночерпия* можно думать:

– как об Эроте – по канве Шекспира, «Любви в челноке» К.Н. Батюшкова (1810)¹⁷ или даже «Золотых завес» Вяч. Иванова (опубл. в 1907 г.)¹⁸;

– как о Дионисе (предположение Дж. Малмстада и Вл. Маркова), что интертекстуально поддерживается гомеровым гимном «Дионис и разбойники» (вероятно, поздней александрийской эпохи), где плывущий с разбойниками виночерпий начинает творить чудеса и оказывается Дионисом;

– как о кравчем – по аналогии с кузминскими газелями в цикле «Венок весен»¹⁹ и стихотворением «Нежной гирляндой надпись гласит у карниза...», написанным для вечеров Друзей Гафиза – закрытого общества, недолго существовавшего на башне Вячеслава Иванова;

¹⁶ Не забудем и другие прецедентные образцы – «Эмали и камеи» (1852) Теофиля Готье и их русские переводы, Н. Гумилева; «Гемму» Вяч. Иванова; «Амулеты из агата» К. Бальмонта; «Гемму» Ю. Сидорова.

¹⁷ «(...) волною / Принесло ко мне челнок. // Мальчик в нем сидел прекрасный; / Тяжким правил он веслом. / «Ах, малютка мой несчастный! / Ты потонешь с челноком!» // (...) / Жалко мне малютки стало; / Сел в челнок – и за весло! / Парус ветром надувало, / Нас стрелою понесло. // (...) / Мой челнок о мель разбился, / А малютка... улетел! // (...) / Добрый путник! в час погоды / Не садися ты в челнок! / Знать, сии опасны воды; / Знать, малютка... страшный бог!»

¹⁸ «Во сне предстал мне наг и смугл Эрот, / Как снежной пловец Архипелага. / (...) // «Тебе слугой была моя отвага, / Тебе, – шепнул он, – дар моих щедрот» (сонет 3).

¹⁹ «Всех поишь ты без изъятя, кравчий, / Но не всем твои объятя, кравчий! / Брови – лук, а взгляд под бровью – стрелы, / Но не стану обнимать я, кравчий! / Стан – копьё, кинжал блестящий – зубы, / Но не стану целовать я, кравчий! / В шуме пира, в буйном вихре пляски / Жду условного пожатья, кравчий! / Ты не лей вина с избытком в чашу: / Ведь вино – плохая сватя, кравчий! / А под утро я открою тайну, / Лишь уснут устало братья, кравчий!»

– как о Ганимеде – виночерпии и возлюбленном Зевса.

Само слово *виночерпий* – вместо более частого в идиолекте Кузмина *кравчего*, имеет дополнительные библейско-египетские ассоциации:

посаженный в темницу, Иосиф Прекрасный разгадывает сны виночерпия и тот впоследствии помогает ему выйти на свободу (Быт., 40, 9-13).

Какой бы ни была интерпретация, важно, что у *виночерпия* и корня *вин-* актуализирован смысл 'помощника в любви'.

Любовь, санкционированная высшими силами и подогреваемая вином, передана и образом ангела, служащего при *буфете*. Ангел опознается по *тороку* (русск. *торок* – 'ремень', также 'слухи') – ленте наподобие античной диадемы, обвивающей голову и развевающейся у висков, через которую он получает повеления от Бога. Цвет *торока* – *оранжевый*, столь же яркий, как и *турпурные кудри* виночерпия.

5. О фабуле

Итак, античная сцена с виночерпием и зеркальная ей современная, с ангелом, три звезды любви, наконец, метрический и морфологический рисунок текста позволяют увидеть в «Звезде...» два плавания и одно неплавание, поделенные на двух возлюбленных.

Первое плавание, античное, с александрийским возлюбленным [1-5], происходит в александрийском же антураже, с Фаросом, и в модусе фантазии. Оно выписано в эстетике пластических искусств, как камея. Во время этого плавания, между утром – вечером – утром – вечером (*аворная пыль* [1] – *сонное лоно* [3] – *далек еще петел* [4] – *вечерняя звезда* [5]) – время постепенно замирает и умирает, становится *растопленным* [4], *полным чудес* [3]. Именно на него приходится заявленная в заглавии цикла «морская идиллия».

Второе плавание, современное [6-7], идет уже в модусе воспоминания (*помню, вспомнил*). Сначала дается посмертный портрет александрийского возлюбленного, его *лицо, пепел стынущий пробора*, трансцендентные *фиалки вешних глаз*²⁰. Затем идет интерьер *океанского пароходика*, чьим реальным прототипом вполне мог послужить тот, на котором Кузмин и «князь Жорж» плыли из Одессы в Александрию. Наконец, в [7] дан двойной портрет, после которого александрийского возлюбленного сменяет теперешний, а плавание – неплавание.

Неплавание в [8-9] идет в модусе реальности, без моря и Фароса, однако же с продолжающимся *колдовством* Афродитиной звезды.

Возлюбленные первой и третьей части, вроде бы, разные, да и сцена плавания не эквивалентна сцене неплавания. Но тогда почему их приравняет восклицание «Но похоже, так похоже!»?

²⁰ Источники – романы «Таис» Анатоля Франса (ср. [о Таис] «les yeux de violette») и «Клеопатра» Генри Райдера Хаггарда (ср. [о Клеопатре] «the wonderful eyes, hued like the Syprian violet» – изумительные глаза цвета кипрских фиалок).

6. Занавешенная картинка

В цикле «Морские идиллии» Кузмин решает и художественную, и психологическую задачу – как перевести печальное в идиллическое. (Напомню, что героями других морских идиллий стали Тристан и «кельтическая» Ярославна.) В «Звезде...» идиллия принимает вид занавешенной картинки.

Сборник «Занавешенные картинки» (название Кузмина – «Запретный сад»), с фривольным содержанием, вышел в 1920 г. в издательстве «Петрополис», в составе 7 стихотворений. Тексты там, действительно, «занавешены» рисунками Владимира Милашевского. Известно, что Кузмин остался рисунками недоволен – и в «Звезде...» создал словесную занавесь сам, из «археологических» и «бытовых» деталей. Под покровом же спрятана идиллия плотской любви – та же, что в «Али» (1918), 5-ой занавешенной картинке, кстати, с восточной образностью, что может быть доводом в пользу трактовки *виночерпия* как восточного кравчего. Ср.:

Не так ложишься, мой Али, / Какие женские привычки! / Люблю лопаток миндали / Чрез бисерные перемычки, / Чтоб расширялася спина / В два полушария округлых / Где дверь запретная видна / Пленительно в долинах смуглых. / Коралловый дрожит бугор, / Как ноздри скакуна степного, / И мой неутомимый взор / Не ищет зрелища другого, / О, свет зари! О, розы дух! / Звезда вечерних вожделений! / Как нежен юношеский пух / Там, на истоке разделений! / Когда б я смел, когда б я мог, / О, враг, о, шах мой, свиться в схватке, / И сладко погрузить клинок / До самой, самой рукоятки! / Вонзить и долго так держать, / Сгорая страстью и отвагой, / Не вынимая, вновь вонзять / И истекать любовной влагой! / Разлился соловей вдали, / Порхают золотые птички! / Ложись спиною вверх, Али, / Отбросив женские привычки!

Фаллической образностью насыщен зачин «Звезды...». Это не только Фарос (повторенный в [8]), но и взнесенные вверх *злак, парус, меч, факел*, не говоря уже об овидиевско-шекспировом *плуге* (все слова – мужского рода, как и фарос-фаллос). Поддерживает фалличность и инструментовка первых двух строк на Ф-Л – *пто Ломея Фи Ладе Ль Фа Фарос Фантазии Факелоносный*.

Соитие прописано также аллегорически: предикатом *мечет* (*И мечет луч, с мечами неба споря*), эллиптическим предложением *в раду* *... волшебный плуг*, телесными метафорами воды – *сосцами* ряби и *кругом*. А завершение любовного акта – многозначным словом *семя* и строкой *к воде наклонился*.

Вопрос, почему картинка прикрыта, – как порнографическая или для защиты от нескромных взглядов, оставляю открытым. Важнее другое: в «Звезде...» плотская любовь окружена ореолом чудесного и сакрального. Она приходится на *профический час* (не очень понятный), когда *петел еще далек* (петух – от отречения Петра), сопровождается священным омовением (от мистериальной и христианской практики), а фоном для нее служит морское затишье и растаявшее время. Кроме того, Кузмин облекает *вещее семя*, опустившееся на любящих, гностическими смыслами (семя дает духовное прозрение и избранность), и вплетает в текст «нездешнюю» – цветовую и каменную –

символику, употребленную ранее в цикле «София» и других гности-ческих произведениях:

смарагды [1], розовая пыль [3], фиалки глаз [6], зеленое сиянье [6].

Из всего сказанного можно заключить, что неизвестным в уравнении «александрийская любовь – любовь теперешняя» была именно идиллия плотской любви.

7. Во множестве зеркал

Представленный разбор никоим образом не претендует на полную и окончательную расшифровку стихотворения, ибо в нем были учтены только те образы и мотивы, которые связаны с сюжетом любовного плавания под звездой Афродиты. Тем не менее, уже и сейчас можно в общих чертах представить структуру «Звезды...». Плавание с «тобой» по Средиземному морю / Нилу выписано поверх Клеопатриного плавания по Кидну; одновременно оно прикрывает откровенную сексуальную сцену. Получается троящее изображение, которое будет множиться и дальше: двоящимся «ты», троящимся плаванием-неплаванием с возлюбленным и многочисленными отражениями звезды Афродиты²¹. Так в «Звезде...», написанной почти пятидесятилетним Кузминым о событиях почти двадцатипятилетней давности и событиях теперешних, реализуется художественная установка «Парабол» на многозеркальность, сформулированная им самим: *Косые соответствия / В пространство бросить / Зеркальных сфер.*

Литература

- Богомолов, Н.А., Дж.Э. Малмстад. 1996. *Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха.* Москва.
- Греческие эпиграммы.* 1935. Пер., ст. и прим. Л.В. Блуменау; ред. и доп. Ф.А. Петровского. Москва, Ленинград.
- Кузмин, М.А. 1977. *Собрание стихов.* Сост., подг. текста и комм. Дж. Малмстада и Вл. Маркова, т. 1-3. München.
- Марков, Вл. 1977. Поэзия Михаила Кузмина. – Кузмин, М.А. *Собрание стихов*, т. III, с. 321-426 (перепечатано в: Марков Вл. *Свобода в поэзии.* 1994. Санкт-Петербург).
- Овидий, П. 1914. *Наука любить (Ars amatoria).* Пер. с лат. В. Алексеева. Изд. второе, испр. и доп. Санкт-Петербург.
- Epigrammatum Antologia Palatina.* 1864-1890. Epigrammatum Antologia Palatina cum Planudies et appendice nova. Parisiis, vol. 1-3.
- Malmstad, J.E., N. Bogomolov. 1999. *Mikhail Kuzmin. A life in art.* Cambridge (Mass.), London.

Москва

(lada_panova@hotmail.com)

Лада Панова

²¹ Я следую проницательному наблюдению и терминологии В.Ф. Маркова: «Основной прием, которым создается эта пророческая невнятность в стихах *Парабол*, – смешение образов, планов, слов. Поэтому в книге все двойится и тройится» (1977, 385).